

АБДУЛЛА ШАИГ

ПИСЬМО НЕ ДОШЛО

I

Был морозный зимний день. Резкий холод обжигал лицо. словно облекшись в траур, небо закуталось в плотную чадру, а горы и долины затянуло белёсым саваном. На улицах по снежным сугробам, боязливо озираясь, прыгали вороны. Тепло одетые, хорошо обутые люди, выйдя из уютных жарко натопленных домов, беспечно ездили в санях или шли пешком. И ничего кроме удовольствия, не могли им доставить эта леденящая стужа и жестокий мороз.

Неужели все несчастья и горести жизни выпадают только на долю неимущих?

Гурбан сидел в конце Шайтанбазара, около своего земляка, уличного писца моллы Фарзали, писавшего письма и прошения. Гурбан совсем окоченел от холода. Придерживая одной рукой открытый ворот ветхой рубахи, а другой – отдирая драный чужак, примёрзший к ноге, он говорил:

– Напиши для меня письмецо, молла. Ведь сам знаешь, какой я тебе доход приношу. Не прошло и года, как я приехал сюда из родных мест, а, уже считая с этим, заказываю тебе пятое письмо.

Молла Фарзали потёр окоченевшие от холода пальцы.

Достал клочок бумаги, положил его на колени и, позёвывая, спросил:

– Говори, земляк, что писать?

Гурбан ещё ближе подсел к молле и, словно собираясь поведать ему какую-то тайну, зашептал:

– Во-первых, молла, напиши от меня привет матери моих детей. Напиши, чтоб она поцеловала за меня в глазёнки Анаханым и Мамиша, берегла их и лелеяла. Потом напиши, что и я, слава Аллаху, жив и здоров. Через Гуламрзу посылаю вам пятнадцать рублей, вышлю ещё; пусть ребятишки не терпят нужды ни в чём, а сам я приеду в конце весны.

Окунув перо в чернильницу, молла принялся было строчить письмо, но чернила так загустели, что писать было нельзя. Молла Фарзали осторожно плюнул в чернильницу, размешал и принялся писать снова.

Гурбан ещё плотнее запахнулся ветхим архалуком, прикрыв торчащие иглами волосы на груди и весь съёжившись от пронизывающего холода, сокрушённо сказал:

– Эх, дядя молла, к плохому человеку попал я на работу. Колодец прорыт уже больше чем на тридцать сажен. Мы просим, умоляем хозяина: «Ага, прибавь нам плату, – спускаться так глубоко нам не под силу, задыхаемся от газа». Но злодей, сын злодея, упрямится: «Будете, говорит, рыть, как прежде условились, а то не заплачу ни копейки». Трудно, молла, зарабатывать здесь деньги. Вот у тебя завидное ремесло: напишешь за день десяток писем, прошений, пару молитв – вот и сыт. Да ниспошлёт тебе Аллах свою милость, что ещё хочешь?

Молла Фарзали спрятал ручку и, захватив кончиками пальцев щепотку песка из выемки в стене, посыпал бумагу.

– Эх, земляк! – отвечал он. – Драка со стороны кажется забавой. Не такая уж приятная у меня работа, как это тебе кажется. Зимой и летом сиди на перекрёстке и жди, когда придёт заказчик. Иной раз уже в глазах начинает темнеть. А бывают дни, когда ни один человек не подходит. Так и сидишь, потирая пустое брюхо.

Молла поплотнее закутался в свою абу и принялся: громко читать написанное.

Гурбан весь обратился в слух, сидя с разинутым ртом, словно собираясь проглотить выходящие из уст моллы слова, и потом с заблестевшими от радости глазами, сказал:

– Молла, напиши ещё поклон Гуламгусейну и напиши, чтоб до моего возвращения он присматривал за ребяташками. Пусть он напишет мне, что стало с нашей золотистой коровой, и продали ли слепую кобылу. И ещё напиши, что, когда приеду, привезу Анаханым и Мамишу по красненькому узорчатому платочку.

Дописав письмо, молла Фарзали аккуратно сложил его в конверт и, обращаясь к Гурбану, спросил:

– Земляк, на чьё имя послать письмо?

Гурбан смущённо почесал затылок:

– Напиши, молла, чтоб вручили матери детей Гурбана.

Написав это, молла протянул конверт Гурбану.

Дрожащими от радости руками Гурбан взял письмо, внимательно оглядел его, и хотел было спрятать на груди, но письмо выскользнуло из его продрогших рук и упало на землю. Быстро нагнувшись, Гурбан схватил его и, осторожно очистив от мёрзлой земли, бережно спрятал за пазуху.

Потом он достал из кармана кисет, вынул гривенник и вложил в руку моллы.

– Возьми, земляк. К празднику я опять приду заказать новое письмо, тебе немало ещё перепадёт от меня.

Он зашагал, крепко прижимая к груди письмо.

Ему хотелось поскорей добраться до жилища своего земляка Гуламрзы, вручить ему это письмо и передать кое-что на словах.

«Счастливцев этот Гуламрза, – думал дорогой Гурбан. – Сколотил немного денег и теперь поедет повидаться со своими детьми. Как чудесно будет там через месяц! Леса, горы и холмы покроются зеленью, расцветут цветы, деревья оденутся зелёной листвой, вернутся из тёплых краёв ласточки, первые вестницы весны. Скворцы, жаворонки и журавли начнут вить гнезда. Всюду на полях и огородах закипит работа. Рыбаки пойдут рыбачить на реки и озёра. Эх, нужда, нужда, что ты сделала со мной? Бросила на чужбину, оторвала от жены и детей».

Слёзы подступили к самому горлу Гурбана. На мгновение сердце его замерло, колени задрожали, и, теряя последние силы, он упал на хрустящий снег. Разбитый, изнемогший, с трудом придя в себя, Гурбан приподнял голову. Перед глазами его замелькали рассекавшие шумную толпу нарядные сани, довольные, оживлённые лица одетых пешеходов. Гурбан окинул эту сытую, самодовольную радость взглядом, полным горечи и ненависти, и с

его бескровных губ сорвался тяжёлый вздох. Овладев собой, он медленно поднялся. Поспешно сунул руку за пазуху, убедился, что письмо там, и, ещё сильнее прижав его к груди, зашагал к дому своего земляка.

Дверь была заперта. Грустный и опечаленный, Гурбан повернул обратно. Бродя, как помешанный, в густой толпе рабочих, он заметил вдруг другого своего земляка – Сафара. Гурбан подошёл к нему, поздоровался и узнал, что Гуламрза ушёл в город.

– Как придёт Гуламрза, – попросил Гурбан Сафара, – передай ему, что я заходил. Он должен непременно повидаться со мной перед отъездом. Я хочу послать с ним письмо и деньги семье и передать кое-что на словах.

Гурбан пошёл домой.

II

– Подлецы, негодяи! Пока колодец был неглубокий, головой был я, а хвостом они. Куда поворачивал я, туда они и шли. А теперь, когда колодец углублён, они хотят стать головой. Каждый день – мне новый ультиматум. Что ни день, то новые требования. Колодец, видите ли, глубок, там пахнет смертью... и всякий тому подобный вздор. И ещё не знаю там что. Тьфу! Плевать я хотел на таких бесстыжих, бессовестных людей! Плеть, плеть, вот что вам нужно, – кричал и бесновался хозяин колодца Гаджи Гулу.

Сафар и Тариверди опорожнили поднятые из колодца вёдра с песком, и прежде чем снова спуститься, Тариверди сказал хозяину:

– Ай, ага. Мы по-прежнему были и остаёмся только хвостами, ты сам посуди, сейчас опаснее всего работать в колодце. Ведь совесть тоже хорошая вещь.

– Взгляни, – перебил Сафар товарища, указывая рукой в сторону нефтяных промыслов, – под каждой пядью, под каждой горстью этой земли, всюду, куда ни ударишь заступом, наткнёшься на кости рабочих. Отовсюду слышатся их стоны. А тем, кто живёт в этих роскошных высоких домах...

– Ну и подышайте себе, – прерывая Сафара, закричал Гаджи Гулу, топнув ногой. – Вы думаете, деньги наживаются легко? Вы рискуете жизнью, а мы – золотом.

– Сафар, ай Сафар, – дёргал Гурбан канат из скважины.

Сафар и Тариверди бросились к колодцу. Они, свесившись, заглянули вглубь колодца, но вдруг оглушительный грохот взорвавшегося газа заставил их в ужасе отпрянуть.

– Да простит сам Аллах. И Гурбан тоже погиб, – взволнованно прошептали они.

Гаджи Гулу, точно не слыша этих слов, опасливо подошёл к колодцу и осторожно склонился над ним. Глаза его загорелись радостью. Счастливая улыбка заиграла на губах.

– Выход нефти открыт, теперь она забьёт, – крикнул он в диком восторге.

– Гаджи, а как же тело Гурбана? – с напускным равнодушием спросил Тариверди. – Так оно и останется в колодце?

Слова эти оторвали Гаджи Гулу от радужных мыслей. Он широко раскрыл глаза. Достав из кошелька две двадцатипятирублёвки, процедил сквозь зубы:

– Тот, кто вытащит труп, получит пятьдесят рублей.

Тариверди подошёл к колодцу и, увидев поднимающуюся, клокочущую нефть, сказал:

– Бедный Гурбан, ты сам своими руками вырыл себе могилу.

Гаджи протянул им ассигнации.

– Возьмите, пусть эти пятьдесят рублей будут вашими, разделите их между собой, но смотрите, – про это никому ни слова.

– Ага, – спросил Сафар, – а как быть с одеждой? Гаджи, опустив руку ему на плечо, ответил:

– Заройте её где-нибудь поблизости.

Когда Сафар и Тариверди, собрав одежду, встряхнули её, на землю упал конверт. На конверте было написано: «Вручить матери детей Гурбана».

Сафар и Тариверди сокрушённо разглядывали конверт.

– Бедняга Гурбан, не дошло его письмо, – с горестным вздохом прошептали они.

Перевод Азиза Шарифа